

Чхон Мёнгван

К И М Т

Санкт-Петербург

УДК 821.531
ББК 84(5Кор)-44
Ч 97

Cheon Myeong-Kwan
WHALE

Copyright © Cheon Myeong-Kwan, 2004

Originally published by Munhakdongne in Korean as 고래

This edition is published by arrangement with Asia Literary Agency
and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Перевод с корейского Ким Хвана и Ли Сан Юн

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-30580-9

© Ким Хван, перевод, 2026
© Ли Сан Юн (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

«Кит» — это захватывающее дух путешествие по корейской истории и культуре, магическая и гротескная эпопея... Сюжет закручивается, извивается и несется вперед так стремительно, что голова идет кругом. Богатый на образы и язык, этот роман сочетает в себе наивность и мрачность сказки с игривой иронией.

Букеровский комитет 2023 г.

Бесподобное, яркое произведение, по праву заслуживающее похвалы, поскольку оно выводит корейскую литературу на совершенно другой уровень.

The Hankyoreh

Находящийся на стыке между «Любовью гика» Кэтрин Данн и «Стыдом» Салмана Рушди, «Кит» — это сюрреалистическая хроника семьи, преследуемой призраками прошлого (буквально и метафорически), и причудливый взгляд на историю целого народа. Роман полнится предательствами, достойными лучшего нуарного кино, историями о моральном разложении и злоупотреблении властью. Тон произведения постоянно меняется, но оно ни на миг не теряет своей притягательности.

Words Without Borders

«Кит» переворачивает представление о художественной литературе.

The Kyunghyang Sinmun

Этот масштабный роман, считающийся современной классикой в Корее, рассказывает историю Кымбок — предприимчивой молодой женщины из далекой глубинки, чья судьба кардинально меняется благодаря ее воздействию на мужчин и врожденной де-

ловой хватке... Переданная всевидящим, игривым рассказчиком, эта история — своеобразный корейский ответ «Большим надеждам» Чарльза Диккенса; рассказ о стремлениях и заблуждениях, в котором время от времени появляются кирпичи ручной работы, сушеная рыба и постепенно вырисовывается щемящая тема материнского греха... Успех романа — в его почти осязаемой чужаковатости и главной героине, которая отказывается мириться с обыденностью этого мира.

Financial Times

Центральная ось этого произведения — бурное, разрушительное человеческое желание, подобное урагану. Все главные персонажи без исключения есть либо порождения этого всепоглощающего шторма, либо воплощение самого желания. Всюду в тексте бушует первобытная, разрушительная сила, которая принимает облик инстинкта и порыва.

Лим Чхору, писатель

«Кит» полон новшеств. Это и делает его таким особенным.

OhmyNews

Роман «Кит» трудно описать, но еще труднее от него оторваться. Это притча, народная сказка, искусный вымысел — или же высказывание о положении женщин в обществе? Ответ на этот вопрос за читателем... Это завораживающая история, которая еще долго не отпустит вас после того, как вы перевернете последнюю страницу.

Pittsburgh Post Gazette

Чхон Мёнган отходит от традиционной формы романа, поэтому интерпретировать его книгу привычным образом — в рамках изучения характеров персонажей, лингвистических особенностей текста и повествовательной структуры с завязкой, развитием, кульминацией, развязкой — невозможно. Ставить вопрос «Зачем здесь это?» — бессмысленно. Сила романа заключается именно в его нарративе. Если автор понимает, что история абсурдна, он сам шутливо добавляет: «Да где ж такое возможно в жизни, верно?» — и это часть его видения. Невозможно не признать, что Чхон Мёнган создал свой уникальный и неповторимый стиль.

Бин Хиген, писательница

Хитроумный, дерзкий роман, который возвращает к жизни искусство сказительства. Чхон Мёнган приручает непредсказуемый поток народного вымысла с его естественной тягой к пикантным подробностям. «Кит» — история огромного размаха и безмерной глубины.

Bookshop.org

В этом романе магический реализм не только развлекает, но и наделяет скрытым смыслом даже самые простые повороты сюжета.

Buzz

История нескольких поколений одной семьи, история трех женщин — бабушки, матери и дочери — из низшего слоя корейского общества, которые демонстрируют стойкость, хитрость и верность, необходимые для выживания в бедном, сельском и глубоко патриархальном мире, где женщины вызывают лишь презрение... Этот роман пронизан духом мифического и архетипического... его герои так же фатально несовершенны, как главные персонажи трагедий Эсхила.

The Book Beat

«Кит» — поразительная эпопея, отчасти многопоколенная семейная сага, отчасти история отношений матери и дочери, пронизанная магическим реализмом и сатирой на послевоенную Корею. С помощью целой плеяды персонажей и фантастических элементов Чхон Мёнган исследует любовь и утрату, политику и классовые различия, мимолетную страсть и семейные узы. «Кит» — большой роман. Во всех смыслах этого слова.

Powell's Bookstore

«Кит» наглядно демонстрирует, что такое роман. По этому произведению можно сказать, что роман — прежде всего нарратив. Важно не то, что рассказывается, а как это рассказывается. Для этого Чхон Мёнган привлекает рассказчика из старых народных сказок — традиционную фигуру, ныне почти исчезнувшую. Всемогущий и неподвластный времени рассказчик превращает роман в котел фантазий, где народные предания, городские легенды, истории о боевых искусствах, жанровое кино, сказочные и фантастические элементы прорываются сквозь строгие рамки формы.

Син Сужчон, литературный критик

Захватывающий сюжет, полный сюрреалистических элементов, цветов, запахов и фактур повседневной корейской жизни.

The Massachusetts Review

Чхон Мёнган — прирожденный рассказчик с кинематографичным, мрачно-ироничным и по-настоящему оригинальным взглядом на мир. Полный неожиданных поворотов и черного юмора, «Кит» — захватывающая, бурлящая смесь приключений и сатиры в формате масштабной эпопеи от одного из самых талантливых авторов в мировой литературе.

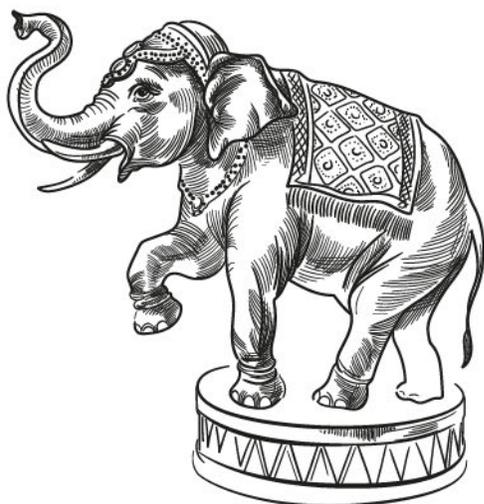
Midwest Book Review

Стиль Чхон Мёнгана одновременно ироничный и легкий, но в то же время он полон философии и чувственности. В этой истории часто звучит оттенок томительной грусти и ностальгии, характерных для литературы Латиноамериканского бума, которые, однако, органично переплетаются с поистине корейским чувством глубокой скорби под названием *хан*.

Asian Review of Books

Часть первая
ПРИСТАНЬ

Завод

О женщине по имени Чхунхи, умершей много лет назад, люди узнали от архитектора, который построил Большой театр, и представил он ее как «Королеву красного кирпича». В ту зиму, когда закончилась война, ее родила в конюшне какая-то нищенка.

Вес ее, при рождении уже достигавший семи килограммов, дошел до ста, когда ей не исполнилось и тринадцати. Немая, она одиноко росла в своем собственном, закрытом от всех мире, постигая все премудрости обжига кирпича у отчима Муна. После того большого пожара, что унес жизни более восьмисот человек, ее арестовали, обвинив в поджоге, и посадили в тюрьму. Проведя в заключении много суровых лет, испытав весь ужас тюремной жизни, она наконец вернулась на кирпичный завод. В то время ей было двадцать шесть лет.

В летний полдень, когда знойное Солнце приблизилось к Земле на самое близкое расстояние и накалило планету, угрожая расплавить даже чугун, Чхунхи в синей тюремной робе стояла в самом центре кирпичного завода. Торчащая посреди двора колонка с насосом давно высохла, и только в поддоне рдело пятно от ржавой воды, что вытекала когда-то из железного носика.

Около печей сквозь землю, накрепко утоптанную ногами рабочих, пробились и разрослись, переплетаясь между собой, разные сорняки: портулак огородный, бодяк и полынь, вымахавшая выше человеческого роста. Среди трав густой порослью выделялся мелколепестник, неизменно окружавший завод со всех сторон, как солдаты осаждают крепость; стоило только хозяевам объекта оставить свои позиции, как этот сорняк незаметно пробрался внутрь и очень скоро захватил всю территорию завода.

Если говорить о заводских строениях, то они состояли всего из нескольких печей для обжига кирпича, вытянувшихся по одной длинной линии, да небольшого домика, кое-как сколоченного из досок и крытого шифером, однако за время отсутствия Чхунхи все постройки безнадежно обветшали или развалились. И в щелях рассыпавшихся печей, и на досках, служивших полом в домике, и на волнистой кровле из шифера, покрытого черным мохом, — везде буйно цвел мелколепестник. Таковы законы природы.

Чхунхи стояла босиком во дворе, по которому девочкой бегала много лет назад. Тополь, что рос рядом с колонкой и когда-то шумел листвою, сгнил и теперь торчал высоким пнем, а вместо листьев на нем гроздьями висели грибы — мясистые вешенки. Улетучился запах пота рабочих, стихли их громкие голоса, и теперь на просторном дворе стояла только Чхунхи. Всматриваясь, она с волнением пыталась разглядеть сохранившиеся в памяти старые образы завода, всю дорогу сюда вызывавшие у нее такую тоску, что щемило сердце, и силилась найти хоть какие-то следы присутствия людей, однако дождь и ветер за долгие годы смыли и разнесли все, что было, и от завода не осталось ничего.

«Жизнь прожить — это без конца вытирать скопившуюся пыль». Так говорила одна заключенная, сокамерница Чхунхи, у которой лицо было сплошь покрыто веснушками. Ее обвинили в том, что она накормила едой, отравленной цианистым калием, мужа и двух дочерей, и приговорили к смерти. В камере соседки по несчастью прозвали ее Цианистым Калием. До самого последнего часа перед казнью она без устали подметала пол и вытирала пыль. Когда другие заключенные, насмехаясь над ней, спрашивали, зачем ей надо наводить порядок, когда жить осталось всего ничего, Цианистый Калий именно так и отвечала, возя тряпкой по деревянному полу. К этой фразе она порой добавляла: «В смерти нет ничего особенного — это будто пыль копится, только и всего». Чхунхи тогда не могла понять точный смысл сказанного, однако в тот день, подходя к полуразрушенному домику, вдруг почему-то вспомнила эти загадочные слова.

Палящие солнечные лучи знойного лета обжигали макушку. Закружилась голова, и ей пришлось ненадолго остановиться. Далеко под железнодорожным мостом начиналась узкая тропинка, что вела к кирпичному заводу, однако она уже давно поросла бурьяном. Чхунхи только что пробралась через эти заросли, испачкав штанины грязью и зелеными разводами от травы. При каждом шаге из большого пальца, от которого оторвался ноготь, непрерывно сочилась кровь и стекала на рыхлую желтую почву. Повсюду под ногами валялись куски кирпича, которые много лет назад, брошенные без присмотра на заводе, были расколоты и разбросаны местными хулиганами, а в небольших канавах после недавно пролившегося дождя личинки комаров, еще не успевшие вылупиться, копошились под горячими лучами.

Чхунхи поднялась на дощатый пол открытой террасы дома, покрытого толстым слоем желтой пыли. Из щелей между разбитыми половицами выглядывали колоски лугового лисохвоста. Она дернула дверь, от которой отвалились петли, и из темной комнаты потянуло едким запахом плесени. К нему примешивался душок помета полевых грызунов и тошнотворная вонь, которая сопровождает разложение животного белка. Скоро глаза привыкли к темноте, и можно было разглядеть, что творилось внутри. Рядом с обломками шкафа и грудой тряпья валялись останки дохлой крысы. На стенах повсюду чернел грибок, с потолка свисал клочок бумаги. Чхунхи оглядела комнату и через разломанную дверь прошла на кухню. Черные от копоти стены и потолок выглядели еще более удручающими. Полки обрушились, плита покосилась, на каменном полу скопилась тухлая вода. Котел, висевший над плитой, куда-то исчез. Над бывшей топкой вместе с недогоревшими поленьями валялись кастрюли. Вдруг пахнуло дымом, а затем до нее донесся вкусный запах только что сваренного риса, и она, поддавшись иллюзии, несколько секунд приняла себя за счастливого человека. Однако вскоре лишь холодный запах плесени коснулся ее носа — ни в одном уголке кухни она не ощутила тепла.

Чхунхи толкнула дверь, ведущую из кухни во двор, вышла наружу, и тут вдруг издали раздался гудок проходящего мимо поезда. Она направилась к печам. Даже после ее ареста из близлежащих деревень на завод пробирались люди с тележками и увозили бесхозные кирпичи. Они нужны были для ремонта жилья или кухонных плит. А позже то, что осталось, растащили ради забавы местные озорники. И как только все пригодные

для дела кирпичи исчезли, здесь никто больше не появился. По ночам между постройками сновали только лисы или барсуки — искали, чем поживиться, и весь обезлюдевший завод захватил сорняк, а желтая пыль, вместе с ветром прилетавшая с запада, потихоньку замела все следы человека.

Она вошла внутрь печи и ощутила свежесть. По сравнению с тем, что творилось во дворе завода, здесь мало что изменилось. Хотя солнечные лучи и пробивались сквозь щели разбитых стен, в темном пространстве веяло прохладой, как в пещере. Чхунхи уселась на полу и прислонилась к печи. Ее потная спина коснулась стальной стенки, и глаза закрылись сами собой. Вокруг стояла такая тишина, что, казалось, даже насекомые в траве затаились от изнуряющей жары.

Будто во сне, перед глазами возникла картина заводского двора, сплошь заставленного красным кирпичом. Вот она, маленькая, шалит, бегая между рядами штабелей. Кажется, она слышит громкую брань отчима, распекающего чернорабочих, и видит, как на мамином лице, всегда ярко накрашенном, проступает улыбка. Вспоминается сцена из фильма, который она, увязавшись однажды за матерью, посмотрела в кинотеатре. В ушах стоит шум от беспорядочно сливающихся звуков: тут и выстрелы, и топот лошадиных копыт, и фривольные вопли блондинок. Раздается и непонятное «беркшир» — это слово нашептывал ей в тюрьме надзиратель, который преследовал ее и без устали измывался над ней. Так называли породу свиней, выведенную в графстве Берк в Великобритании, но откуда Чхунхи могла знать, что означает это «беркшир». Позже она зубами разодрала лицо ненавистного надзирателя, и ему до самой смерти пришлось носить алюминиевую маску, скрывавшую

выдранную щеку. Из-за него Чхунхи как женщина испытала ужасные страдания, однако все это в прошлом. Страдания потускнели, тюрьма осталась далеко позади, а она добралась до развалин кирпичного завода.

Едва различимо, точно слуховая галлюцинация, ее ушей достиг стук колес проходящего поезда. Она погналась за белой бабочкой в высокой траве. Листья обжигали голые лодыжки, однако и теперь она не могла понять, во сне все это происходит или наяву. А бабочка вдруг вспорхнула, устремилась к небу и стала парить в воздухе, удаляясь все выше и выше.

Ярко вспыхивают красные языки пламени. У печи, где беснуется огонь, мужчины ворошат уголь, и с их напряженных рук со вздувшимися венами каплями стекает пот, а взмокшие блестящие лица раскалены до красноты от жара, вырывающегося из топки. Каждый раз, когда в печь летела очередная лопата угля, внутри во все стороны взвивались, как огненные цветы, снопы искр. Чхунхи сидела прямо перед ней и смотрела на это зрелище. Красные и голубые пламенные всполохи смешивались, а за ними выпекались раскаленные докрасна кирпичи. Горячий воздух обжигал лицо, становилось тяжело дышать. Однако Чхунхи не могла сдвинуться с места. Жар все усиливался, и, словно собираясь слизнуть ее, из топки высунулся красный огонек. Казалось, если остаться на месте, то ее сейчас засосет в печь, и она тут же расплавится. Пронеслась мысль, что надо встать и бежать, но, к своему удивлению, она не в силах была даже пошевелиться, будто каменная глыба навалилась на нее. Никто из мужчин, работавших у печи, не смотрел на Чхунхи. Она закричала им. Однако из пересохшего горла вырвался лишь невнятный слабый стон.

Языки пламени колыхались уже перед самым носом. И вот уже огромный столб огня собрался наброситься прямо на нее, целясь в лицо. Чхунхи собрала все свои силы и вскочила.

Когда она очнулась, голубая тюремная роба была насквозь пропитана потом, а от ее тела исходил жар, как от кипящего варева для коров. Пока она спала, солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь щели разрушенной печи, как-то незаметно подобрались к ней и залили все лицо. Горло пересохло, а дочерна загоревшее лицо раскалилось так, словно кто-то поднес к нему огонь. Попытка подняться не увенчалась успехом, во всем теле не нашлось ни капли силы. С трудом, цепляясь за землю, она переместилась в угол, куда не доходили лучи. Она сидела босая, в одной только робе. Одежда, в которой она поступила в тюрьму, за долгие годы заключения пропала, и ей пришлось выйти на свободу в арестантской форме. Она еще немного посидела, привалившись к печи, а потом закрыла глаза и перевела дыхание.

Девять дней назад она прошла через тюремные ворота, оказалась на воле и, не зная, куда идти, интуитивно двинулась на юг. Покинув черту города и наткнувшись на железнодорожные пути, она поняла, что с самого начала направила свои шаги в сторону кирпичного завода. И все время шла вдоль проложенных рельсов. Когда наступала ночь, она смыкала глаза, прислонившись к могильным холмикам рядом с железной дорогой, а когда хотелось есть, находила в оврагах родниковую воду и пила до тех пор, пока живот не наполнялся до отказа. Иногда ей удавалось съесть отложенные икринки саламандры, выловив их в холодной воде, или, если неподалеку встречались тутовые деревья, полакомиться

шелковицей. Вскоре на ногах лопнули вздувшиеся волдыри и показалось красное мясо. Она сбросила башмаки и пошла босиком. Непросто было в самый разгар лета под палящим солнцем топтать по шпалам, однако она не сворачивала с единственного возможного пути во избежание встреч с людьми. Если приближался вокзал какого-нибудь шумного города, приходилось отклоняться от железной дороги и делать большой круг.

На третий день с большого пальца ноги, отбитой о шпалы, слез ноготь. Багровая кровь текла безостановочно. Она приставила ступню к нагретым рельсам. Боль, пронзившую все тело от кончика пальца, она восприняла скорее с радостью, чем со страданием. Если среди дня ее заставлял ливень, она могла остудить разгоряченную от зноя кожу, однако из-за мокрой одежды, липнувшей к ногам, шагать становилось еще труднее.

Ее огромное тело медленно, но упорно, без отдыха двигалось на юг. На девятый день с начала пути, утром, за железной дорогой она наконец увидела похожие на спичечные коробки печи для обжига кирпичей, вытянувшиеся в длинную горизонтальную линию. В тот миг, когда глаза нашли вдалеке кирпичный завод, что-то екнуло в пустом желудке и, поднявшись вверх, перехватило горло. Она тяжело опустилась на землю рядом с рельсами и сверху вниз отрешенно посмотрела на завод. Все эти дни она шла к заветному месту, ведомая лишь инстинктом, однако у нее ни разу не возникла мысль о том, что она будет делать, когда доберется до цели.

На противоположной от железной дороги стороне, вдали за перевалом, под лесом, виднелся поселок Пхён-дэ. Как некогда древние поселения, одно время он про-

цветал, но пришел в упадок и сейчас, окутанный утренним туманом, едва просматривался. Даже издали сразу бросался в глаза кинотеатр, возвышавшийся над остальными зданиями. Смотрелся он как огромный кит, только что вынырнувший из глубины моря глотнуть кислорода. Кинотеатр такой формы спроектировала сама Кымбок, мать Чхунхи. В памяти всплыла картина: рядом с афишами и входом в театр шумная толпа киноманов стремится попасть на сеанс, тут же торговцы вразнос продают всякую снедь. Однако поселок после пожара в кинотеатре давно утратил процветающий вид. Огонь охватил все здание, и огромное пламя со страшной силой стало подниматься к небу. Все пожарные машины прибыли на тушение здания, однако стихия стремительно набрала силу, и обуздать ее было уже невозможно. Столпившись на безопасном расстоянии от горевшего кинотеатра, люди наблюдали, как отстроенное усилием всего одной женщины великолепие погибает в огне. Пламя перекинулось на соседний рынок, и скоро страшный пожар превратил Пхёндэ в руины. Пока Чхунхи сидела в тюрьме, люди уехали из этого проклятого места, где умерла надежда. Железнодорожную станцию закрыли, и поселок, покинутый жителями, постепенно исчез с поверхности земли, затянутый круговоротом жизни.

Чхунхи оставила печи и направилась к колонке. Прежде всего ей нужно было утолить жажду. Колонка покрылась ржавчиной, вся высохла, и вряд ли из нее могла политься вода. Кроме того, резиновые прокладки все потрескались, и, кто знает, выполняют ли они еще свою функцию. Она пошла на кухню, вынесла черную от копоти кастрюлю и отправилась искать воду

в окрестностях завода. Скоро перед тропинкой, которая вела к железнодорожным путям, обнаружилась маленькая канава. Внизу, где густо разрослась трава, скопилась теплая вода. Она осторожно черпала воду ладонями и сливала в кастрюлю. Территория, на которой стоял завод, изначально была топью. Чтобы осушить ее, матери Чхунхи пришлось засыпать огромное количество гравия и земли. Это было действительно рискованное дело, однако в свое время кирпичный завод отплатил людям за все старания, принесся прибыли в несколько десятков раз больше затрат.

Наполнив кастрюлю до краев, Чхунхи принесла ее к колонке, залила воду внутрь и быстро начала качать рычагом. Однако вода тут же пролилась вниз, и до нее донеслось лишь шипение воздуха. Требовалась емкость большего размера. Обходя окрестности завода в поисках подходящей тары, она неожиданно увидела в зарослях травы железный котел. Это был тот самый котел, что пропал из кухни. Он покрылся ржавчиной, с одной стороны отвалилась ручка, однако он оказался целым, без дыр, и выглядел вполне пригодным, следовало только почистить его.

Когда-то давно мать Чхунхи для мужчин, работавших на заводе, варила в этом котле лапшу в бульоне, а летом — похлебку из собачатины с разными травами и кореньями. Для этого откармливали короткошерстную собаку, держа ее на привязи у тополя. В тот день¹, когда готовилась похлебка, весь завод с самого утра бу-

¹ Так называемые собачьи дни (*кор.* понналь), которые отмечают в самые жаркие дни лета. В это время принято есть собачатину, поскольку считается, что это мясо хорошо понижает жар, придает силу и укрепляет здоровье. — *Здесь и далее примеч. переводчиков, кроме отмеченных особо.*

доражило. В углу двора из кирпичей составляли печку, разжигали огонь, вешали котел, в котором сначала кипятили воду, и тогда чернорабочие весь день жадными глазами поглядывали в сторону импровизированной кухни. Наконец запах похлебки распространялся по всему заводу, и, как только заходило солнце, работяги, смущенно улыбаясь, собирались вокруг котла. Мать Чхунхи, бросая непристойные шуточки, разливала мужчинам в миски густой суп, и они шумно, с аппетитом поедали горячую похлебку, не обращая внимания на стекающий со лба пот. Это было время зажиточной жизни, когда еды хватало всем.

Чхунхи отнесла котел к канаве. Она вычерпала оставшуюся на дне воду, десятки раз понемногу набирая ее в кастрюлю, и только после этого ей удалось наполнить посудину до краев. Чхунхи заметила в траве подозрительное шевеление. Чтобы удостовериться, не показалось ли ей, она раздвинула разросшуюся зелень и увидела крупного ужа, который полз к канаве. Она ловко поймала змею за хвост и со всего маху ударила об землю. Легкая судорога прошла по змее, и она вытянулась на траве. Оставив ее на месте, Чхунхи обхватила котел обеими руками и с усилием подняла. Ноги подогнулись, и она зашаталась. Расстояние от канавы до колонки было небольшим, но от долгого голодания сил у нее почти не осталось. Эта ноша оказалась бы тяжелой даже для двух крепких парней, ведь только сам котел весил около шестидесяти килограммов, а тут еще он доверху был заполнен водой.

Чхунхи несколько раз пришлось опускать котел на землю и отдыхать, иначе она не донесла бы его до цели. Налив в отверстие колонки воды до края, опять схва-

Чхон Мёнган

Ч 97 Кит : роман / Чхон Мёнган ; пер. с кор. Ким Хвана, Ли Сан Юн. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-30580-9

От одного из самых оригинальных голосов современной корейской литературы Чхон Мёнгвана. Роман — финалист Международной Букеровской премии 2023 года, магическая и гротескная эпопея, «находящаяся на стыке между „Любовью гика“ Кэтрин Данн и „Стыдом“ Салмана Рушди» (*Words Without Borders*), которую критики описывают как «своеобразный корейский ответ „Большим надеждам“ Чарльза Диккенса» (*Financial Times*).

В разоренной послевоенной Корее предприимчивая Кымбок строит на деньги старухи-скряги кирпичный завод — фундамент ее будущей империи, где трагически переплетутся судьбы портового великана, одноглазой повелительницы пчел и влюбленного якудза. Но когда грандиозный кинотеатр в форме кита, венец ее творений, сгорает дотла в пожаре, унесшем жизни более восьмисот человек, все меняется. На скамье подсудимых ее дочь — немая гигантесса Чхунхи, чей единственный друг — говорящий цирковой слон. Но кто преступник на самом деле? Быть может, за самой страшной трагедией в истории города стоит призрак уродливой старухи, чье проклятие, кажется, настигает всех, кто прикоснулся к ее таинственным деньгам?..

«Кит» — это сюрреалистический паноптикум, в котором корейский фольклор встречается с магическим реализмом Габриэля Гарсиа Маркеса, а сатирический размах напоминает лучшие работы Курта Воннегута.

Роман публикуется в новой редакции.

УДК 821.531
ББК 84(5Кор)-44

ЧХОН МЕНГВАН

КИТ

Ответственный редактор Мадина Долаева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Анна Марченко, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 22.01.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-39762-01-R